

Роберт БАЛАКШИН

СТРОЧКА ИЗ СЛОВАРЯ

Нет хуже, когда затынет, заматает тебя повседневная будничная текучка: каждый день надо куда-то идти, с кем-то спорить, о чем-то просить, убеждать, настаивать, кого-то ждать, встречать, провожать, участвовать в длинных, пустых, никому не нужных разговорах. Крутишься в этой текучке, суетишься и вроде бы дело делаешь, а остановишься, оглядишься: сколько времени потрачено напрасно. Так тяжело на душе, пасмурно делается — белый свет не мил.

Книгами только и спасаешься. Снимешь с полки одну, другую; тут полистаешь, там почитаешь, третьей по-настоящему увлечешься, и, кажется, даже дышать легче становится.

Но ведь бывает, что книга не только жизнь облегчит, а жизни еще и толчок даст, направит ее по неиз-

веданному новому пути, которому никакая текучка не страшна. Так вот взял я однажды — в одну из тоскливых минут — том словаря В.И. Даля, примостился у окна на краешке дивана, листаю страницы. Наудачу взял том. Не глядя.

Шелестят страницы, глаза скользят по словам.

“Изба — крестьянский дом, хата, жилой деревянный дом. Избенка, избеночка, избушка, избушечка, избушеночка. (Вот даже как!) Не красна изба углами, красна изба пирогами. Всего дороже честь сытая, да изба крытая. В одной избе разными вениками не мети: разойдется богатство. Избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином покрыта”.

Читаю я, и что-то отякает в душе, теплее в ней становится.

“Избная помощь — устраивается тем, кто хочет рубить новую избу; полагается 100 бревен и столько же помочан, для вырубки и привозки по бревну”.

Тут перемахнул я разом чуть не полтома и попал на занятное место. Занятого в нем одна буква, про которую поговорка: расставить все точки над і.

“Мір — наша земля, земной шар, свет, все люди, род человеческий; общество крестьян. На міру и смерть красна. Что на мір не ляжет, того мір не поднимет. Мір — велик человек. Мір за себя постоит. Всякий мірянин своему брату семьянин”.

Перелистнул я одну страницу назад, там тоже есть “мир”, только буква “и” обыкновенная.

“Мир — отсутствие ссоры, вражды, войны; лад, согласие, дружба; тишина, покой. У них в доме мир и благодать. Мир дому сему. Мир на земле, благоволение в человеках. Рать стоит до мира, а ложь до правды”. Ну, здорово!

Отошел я душой от тоски окончательно. Взыграла душа моя. Да и как не взыграть ей? Язык-то наш русский каков! Слово в нем и лекарь, и учитель.

“Ладно, — думаю, — гляну еще напоследок, да пора и за дела браться”.

Прихватил я уйму страниц, чуть не в самом конце том открыл.

Глаза читают: обыденный; память подсказывает: заурядный, будничный, повседневный; а сознание решает: неинтересное слово, все, довольно, закрываю словарь.

Но глаза успели до конца строки прочесть: обыденный — однодневный, одни сутки длящийся.

Память молчит. Сознание в замешательстве. А меня вдруг обвевало то свежее бодрое чувство, когда случится узнать первое, истинное значение слова, понять его сокровенную суть, когда из-под его нынешнего примелькавшегося обличья неожиданно проглянут древние строгие черты.

Читаю дальше.

Обыдень. “Об один день, значит, — смеаю я. — Было три слова. А слились они в одно. Катится словцо, поигрывает на языке.

И припомнилось мне, что в прежнее время в наших северных реках жемчуг находили. Добывали даже. Крупные жемчужины, конечно, в редкость большую были, чаще попадались мелкие, их и называли “перловки”.

Вот и словечко-то “обыдень” тоже с перловую крупинку, но крупинка эта жемчужная.

И так я словом этим разлакомился, что и о словаре совсем забыл, сижу, руки на него положив, и думается мне, что подчас раковину-жемчужницу в колодезном ведре доставали. Где подхватило раковину током воды, сколько времени водной жилой во тьме несло — неведомо. Но вот вынула молодница ведро из колодезя, поставила на край сруба и видит: ракушка на дне. Удивилась молодница, хотела выбросить ее, да расщепила створки крепкими крестьянскими пальцами, глядь, а в ракушке на голубовато-стальном лаковом исподе диво дивное: сияет в глаза молочно-серебристая ягодка. Зародилась она в живом теле, созрела и попала к людям.

Так мечтаю, грежу я, представляю себе молодницу, капли влаги на ее руках, вижу колодец — сруб, уходящий в земную глубину, даже день, когда это произошло, почему-то, непременно, жаркий летний день.

Представляю я все это, а в голове неотвязно шевелится: что же еще такое заманчивое я в словаре увидел?

Пропало видение, склонился я над словарем.

“Обыденная церковь есть в Москве и Вологде; по преданию они выстроены міром в одни сутки, по обету после чумы или мора: Вологодский Спас обыденный в 1618-м году”.

“Как это, — изумился я, — церковь за одни сутки, за один день выстроить? Ведь церковь, что ни говори, не крупнопанельная коробка, не сарай какой-нибудь, не склад, ее кое-как не сляпашь, тем более что в те годы, о которых в словаре говорится, сборного железобетона да электросварки и в помине не было”.

А то, что Вологда здесь названа, меня еще сильнее задело, раззадирило. Город я свой люблю, почти с самого рождения живу в нем, улицы, закоулки, все церкви его, памятники архитектуры наперечет знаю, а о Спасе обыденном первый раз слышу. У кого бы об этом узнать? Может, в какой-нибудь книжке о неизвестном мне Спасе написано, а заодно и о церквях тех обыденных. Что за один день строились.

Так с одного слова, со строчки началось мое исследование. Я долго ходил в библиотеку, читал, делал выписки, завел переписку с другими городами. Удивительные вещи открылись мне.

Оказалось, что возведение обыденных храмов было самобытным, русским обычаем, не встречающимся ни у какого другого народа.

Н.М. Карамзин сказал: “Долг гражданина состоит в упражнении любви к Отечеству”.

А разве занятия историей, изучение истории Отечества не есть полезнейшее из этих упражнений? Оно возвышает душу, придает жизни новый смысл: начинаешь жить не для себя — для своего народа. Итак, позвольте предложить вам плоды моих исторических упражнений.

Первая глава

Что такое обыденная церковь (обыденный храм)? Повод к ее возведению

Обыденная или единокровная церковь, как явствует из названия, — церковь, построенная за один день. Не за сутки — здесь В.И. Даль ошибся, — а именно за один день. Работа могла начаться и в ночь на новый день, но возведение и освящение храма должны были быть закончены до заката солнца. Прикинув, что иной осенний день короче летнего чуть не вдвое, мы увидим, что времени на строительство церкви выпадало не так уж много.

Понятно, что обыденная церковь могла быть только деревянной, небольших размеров и простейшей конструкции. Например, Екатерининская обыденная церковь в Вятской губернии (ныне Кировская область) была совсем крошечной: "...Величина... Вятской церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата — две доски, привязанные веревками"¹.

Жесткие ограничения срока постройки не только определяли материал и размер здания, но сказывались и на его долговечности. Обыденная церковь, как правило, существовала лет 40 — 50, а то и меньше, и впоследствии заменялась каменной, хотя известен случай, когда обыденная церковь простояла свыше полутора веков (г. Новгород, ц. Спаса Всемилоостивого или Происхождения Честных Древ, 1424 — 1592), тем самым опровергнув пословицу: "Обыденком делать, обыденно и простоит".

Повод к возведению обыденных церквей был единственным. Он был ужасен: церкви эти возводились во время моровых поветрий (эпидемии чумы), в средние века неоднократно опустошавших как Древнюю Русь, так и страны Западной Европы.

Известны, правда, два сообщения о постройке обыденных церквей по другим поводам:

а) в ознаменование спасения князя Владимира от печенегов в 996 году;

б) в память победы новгородского князя Андрея Александровича в 1301 году.

Но, во-первых, утверждения, что эти церкви — обыденные, сомнительны;

во-вторых, хотя бы и были эти церкви срублены за один день, это именно те исключения, которые подтверждают правило, так как в основе обряда постройки единовременного храма лежит идея "обыденности", суть которой будет изложена ниже.

Итак, моровое поветрие. Послушаем летописца, рассказывающего нам о страшном море 1417 года, который, верно, вошел во все русские летописи.

"Того же лета мор бысть страшен зело на люди в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Ладозе, и в Русе, и в Порхове, и в Торжку, и в Тфери, и в Дмитрове, и по властям, по селом. И толико велик бысть мор, яко живши не успеваху мертвых погребати, ниже довольни бываху здравии болящим служити, но един здравый десятерым и двадцатерым болем служаще; и на всех тех местах умираху толико на всяк день, якоже не успеваху здравии мертвых погребати до захождения солнечного и многи селы пусты бяху, и во градах и посадах. Болезнь же сицева бысть: прежде яко рагатиною удари за лопатку человека, или противу сердца, или под груди, или промеж крыл, ил в паху, или под пазуху, и разболевся человек, начнет кровию харкати, и огонь разжет, и потом пот великий имет, и потом дрожь имет; и тако похожаше по всем суставам человеческим недуг той; железа же (нарывы — Р.Б.) не едина быше, иному на шии, иному на стегне, иному под скулою, иному в паху, и на иных местах. И в болезни той полежаху, умираху мнози с покаянием..."

Иной медицинский учебник может позавидовать этому выразительному описанию легочной и бубонной чумы.

Продолжим цитату:
"В Новежегороде, и в Пскове, и в Торжку, и во Тфери обещашася людие обеты многими, и во един день по многим местом церкви срубиша и поставиша и свящаша и литургисаша..."².

Спaso-Прилуцкий монастырь. Основан во второй половине XIV века.

Да, в городах (или в одном городе), охваченных поветрием, строилась обыденная церковь. И мор прекращался!

Свидетельства из летописей:

“В лето 6925 (1417 г. — Р.Б.). Того же лета бысть мор по всей земли Русей, не успеваху погребати. И наугородцы поставиша церковь мученицы Анастасии и связано того же дни, и преста мор”³.

“В лето 6982 (1474 г. — Р.Б.). Того же лета на Устюге мор бысть силен на люди. И сотвориша устюжена обет, единого дне поставили церковь Воскресения Христова надорвом, и мор преста”⁴.

Редкостный пример из Псковской летописи:

“В лето 7030 (1522 г. — Р.Б.) ...поставиша церковь св. Варлаама... и мор не преста. И паки поставиша другую церковь Покров Святой Богородицы... и преста мор”⁵.

Я предвижу возражения людей склада ума практического, которые примутся доказывать — и докажут как дважды два, что постройка церкви здесь ни при чем: очевидно, была масса других, объективных причин к прекращению несчастья — естественный спад интенсивности эпидемии к данному моменту; общий психофизический подъем населения, вызванный религиозной церемонией; случайное совпадение, если хотите, и т. п. Трудно судить об объективных причинах. Да и к чему всякий раз пропускать солнечный луч через призму спектроסקопа. Разве не достаточно нам того, что луч просто светит.

Вторая глава

Как строились обыденные церкви?

Обыденная церковь не была рядовой церковью. В возведении ее было много необычного. Необычно, но основанного на обычном, повседневном.

Если я скажу, что все обыденные церкви были обетными, то, на первый взгляд, что ж в этом необычного? Разве мало на Руси было обетных церквей? Но в нашем случае была своя изюминка.

Чтобы увидеть, в чем она заключается, рассмотрим вкратце с точки зрения психологической само понятие “обет”.

Для наглядности возьмем эпизод из жизни упомянутого выше князя Владимира Святославича.

Князь Владимир получил известие о набеге печенегов на город Василев, что неподалеку от Киева. С малой дружиной князь поспешил отразить набег, но в столкновении с врагами не устоял против них, принужден был спасаться бегством и, уходя от погони, схоронился под мостом.

Наступил критический момент.

Если до сего момента Владимир поступал, как хотелось ему, как он желал, то сейчас в ход событий вмешалось ТО, что люди называют различно: судьбой, случаем, Богом. В этот миг совершается то, что суждено. Суждено

Спас Нерукотворный.
Вологодская школа. XIV в.

Владимиру жить — и печенеги промчатся по мосту; суждено умереть — один печенег да заглянет под мост. Что будет? Владимир не знает этого. Великий князь — храбрый воин, мудрый государственный муж, креститель Руси, родственник византийского императора — в один миг оказался уравнен с простым смертным.

В этот миг душевного надлома человек или совершает опрометчивый поступок, или полностью вверяется ТОМУ, от чего зависит все, и дает обещание в случае счастливого исхода воздвигнуть стацию, пожертвовать что-либо в храм (как бывало в Древней Греции или Риме), или построить церковь (когда язычество сменилось христианством).

Владимир вознес молитву Подателю всех благ и спасся. Так была создана первая на Руси обетная церковь. Примеров таких церквей можно привести много:

церковь, воздвигнутая Мстиславом после единоборства с Редедой (1012), Спас Каменный на Кубенском озере (1260), храм в Великом Устюге во избавление города от литовцев и поляков (1613), церковь Покрова Богородицы в Филях (конец XVII в.), но все эти церкви создавались после события, когда исход его уже был ясен.

Обет же о построении обыденной церкви исполнялся не после события, а во время его. В этом и заключается первое отличие обыденной церкви от просто обетных церквей.

Рядовая обетная церковь возводилась на средства того, кто принес обет (князя, боярина, купца). А в нашем случае люди, давшие обет, самолично и исполняли его. В этом вторая особенность обыденного храма.

Если затем я скажу, что все обыденные церкви были результатом, итогом коллективного труда, то что же необычного в этом? И все церкви строились коллективом. Одному человеку, как бы он ни был мастеровит и силен, не соорудить здание.

Да, это так, но простую церковь строил коллектив — артель, состоявшая из относительно небольшого количества человек, наемных работников, а здесь коллективом был весь город, все горожане были участниками постройки. И не только они. В город в этот день стекались крестьяне из окрестных, уцелевших от мора деревень. Кто непосредственно строил, кто помогал, кто всего лишь присутствовал, но все были озарены одной мыслью, одухотворены одним упованием и надеждой.

Этот коллективизм отразился в названиях обыденных церквей, многие из них именовались всеградскими. И, разумеется, никто из строителей не получал за свой труд платы.

Таковы основные отличия возведения обыденных церквей от возведения церковных зданий вообще и строившихся по обету в частности. Были интересны и мелкие особенности, так сказать, детали. Для постройки был необходим только что (в этот же день) срубленный лес. Использование частей какой-либо старой постройки не до-

пускалось. Обыденная церковь должна быть срублена заново, а не собрана.

В день возведения храма горожане строго постились, никто не вкушал пищи до освящения храма. А если знать, что в честь такого события люди надевали чистую одежду, и припомнить незапамятную ратную традицию — перед боем облачаться во все новое, то получалось, что население города как бы выходило на битву с чумой.

В связи с этим любопытно сравнить, как вели себя люди во время подобных испытаний в Западной Европе. “Декамерон” Боккаччо — эпидемия 1348 года; “Пир во время чумы” А. Пушкина — перевод пьесы Д. Вильсона “Город чумы” — эпидемия 1666 года; рассказы Э. По дают нам такую возможность. Мы видим людей растерявшихся, упавших духом, отчаявшихся как-либо противостоять грозному бедствию. Люди убегают из зачумленного города (причем бежит знать, которой есть где укрыться), пытаются забыть в вине, в веселье, в разгуле. Это стремление изолироваться, быть врозь, вроде бы разумно, его диктует здравый смысл, инстинкт самосохранения: чем больше скученность населения, тем эпидемия смертоносней.

На русской же земле все происходит иначе. Люди не бегут, не прячутся — не рассредоточиваются, говоря языком инструкции, — а, напротив, собираются все вместе: и взрослое население, и дети, и старики. Люди ищут спасения в общей работе, в единстве помыслов и желаний, в общей молитве. Ищут — и обретают его.

Все же надо признать, что и в нашем Отечестве возникали ситуации, похожие на описанные в “Декамероне”. Приведу пример из “Волоколамского патерика”:

“...Бысть великий мор в лето 6935-го (1427 года. — Р.Б.), а мерли болячкою, глаголемую прыщем... и три дня болев, умираше... елицы же нечувствени питию прилежаху, занеже множество меду пометнуто и презираемо бе. Они же в толико нечувствие приидоша злаго ради пианства: един от пиющих внезапно паде умираше, они же ногами под лавку впихав, аки прилежаху питию. Елицы же нечувствием содержиима и в таком наказании и гнве Божии, погибоша, яко нечувствении скоты”⁶.

Позиция автора налицо. Русскому человеку XV столетия в дикость, как можно предаваться пьянству и прочим “радостям” жизни, когда рядом умирают люди.

Третья глава

Когда и где строились обыденные церкви?

Самое раннее свидетельство о постройке обыденной церкви относится к г. Пскову (1352), самое позднее к г. Костроме (1757). Таким образом строительство обыденных храмов имело по меньшей мере четырехвековую традицию.

Начиная собирать материалы для статьи, я просмотрел несколько томов русских летописей и в одной из них обнаружил упоминание о море 1119 года: “18 августа в Новгороде у Мстислава изомроша они все и дружина вся”⁷. В словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что “чума впервые появилась в России в XI веке, повторялась неоднократно в XII, XIII веках”⁸.

Я так и предполагал, что начало строительства обыденных церквей нужно искать в этих веках. Искал долго и

настойчиво, но представьте мое недоумение — источники (летописи) бесстрастно указывали только на XIV век.

Как же так? — сомневался я. — Не строили, не строили, а в XIV веке начали строить. Может, обычай этот существовал еще в Киевской Руси, но был пресечен татаро-монгольским нашествием? Было же им прервано слагание былин, и русский эпос, наша “Илиада”, сохранился на Севере, в Олонецкой губернии. Но ведь в Новгороде-то и в Пскове никто эту традицию не пресекал, а более ранние постройки и там неизвестны.

А может, эпизодические вспышки чумы XI — XIII веков, не имевшие никакого сравнения с потрясающими, подобными смерчу, эпидемиями XIV века, просто не могли дать толчка к возникновению нового обычая.

Если у Мстислава только “изомроша кони и дружина”, то в мор 1387 года в Смоленске “осталось 10 человек и город затвориша”⁹.

Я понимаю, что с десятью работниками церковь не построишь, но не всегда же дело доходило до такой крайности, а русский человек не того склада, чтоб безропотно ждать, когда зараза изведет его под корень, и, коль есть еще сила, все равно будет сопротивляться.

Я отыскал-таки два факта, которые наводят на мысль, что единичные случаи постройки обыденных храмов были возможны и до XIV века.

1. В г. Ростове в 1654 году по случаю моровой язвы была построена церковь Всемилоственного Спаса на Торгу. Примечательно, что впервые ц. Всемилоственного Спаса была создана в 1216 году¹⁰.

2. “Того же лета (1289 года. — Р.Б.) свершена и священа бысть церковь Спаса Преображения во Твери епископом Андреем ноября 8...”¹¹.

Из последней цитаты прямо складывается впечатление, что церковь создана за один день, и ноябрь месяц — немаловажный довод, т.к. наиболее острые вспышки эпидемий обычно приходились на осень: крысы и мыши, переносчики чумы, осенью “в поисках пищи и для защиты от холода переселяются в населенные пункты... и... вступают в тесный контакт с человеком”¹².

Ростовский Спас примечателен не только повторением прежнего имени, но и тем, что первоначальная церковь тоже, очевидно, была деревянной и что построена она на Торгу, на торговой центральной площади, а обыденные храмы как раз и ставились в наиболее многолюдных местах, не на отшибе.

И все же оба эти факта страдают отсутствием одного, самого существенного доказательства: в летописях нет ни слова о морах 1216 и 1289 годов. Во всяком случае, мне их найти не удалось. Так что нижней точкой отсчета по-прежнему остается 1352 год, а верхней — 1757-й.

Хотя не исключено, что зарождение обычая строительства обыденных храмов обусловлено событиями XIV века. В этом веке эпидемические вспышки чумы приобретают на Руси постоянный характер. Судите сами, их количество в XIV веке (24 случая) вдвое перекрывает подобный показатель за все четыре предыдущих века (X в. — 0, XI в. — 4, XII в. — 7, XIII в., век нашествия на Русь, — 11)¹³. Ставшая данницей Золотой Орды, Русь в этом веке находится в непрерывном принудительном общении с ней: наезды баскаков, карательные походы ханов, поездки русских князей на поклон в Орду. А как известно, один из мировых очагов обитания разносчиков “черной смерти” находится в Азии.

Помимо изучения печатных источников я испробовал другой метод сбора материалов: разослал более тридцати

ти писем в города России с просьбой сообщить, нет ли каких-либо сведений об обыденных храмах. В ответ мне пришло много добрых содержательных писем, без которых — нужно сказать честно — я не смог бы написать статью. Благодаря этим письмам установлено, что обыденные храмы были в городах: Пскове, Новгороде, Москве, Соливыгодске, Великом Устюге, Ярославле, Вологде, Шуе, Ростове, Твери, Суздале, Костроме, Каргополе, Торжке, в Кировской (бывшей Вятской) области. Общее число выявленных церквей достигает 32-х (в некоторых городах они возводились неоднократно).

Много городов называется в том смысле, что в них могли быть возведены обыденные церкви. Более точных сведений мне, к сожалению, получить не удалось. Это города: Белозерск, Можайск, Коломна, Дмитров, Старая Русса, Порхов, Старая Ладога, Таруса, Владимир. Нетрудно заметить, что основной массив бытования обыденных церквей расположен северней Москвы. Это подтверждает мнение замечательного этнографа Д.К. Зеленина, что “обычай постройки обыденных храмов был известен только в Новгородской и Московской Руси”. Быть может, со временем к выявленным церквям удастся присоединить еще несколько, но уже и сейчас видно, что обыденных храмов было не так уж много на нашей земле — крупинки в необозримом океане русского церковного зодчества.

Четвертая глава

Почему обыденный храм именно обыденный?

Действительно, почему? Для нас, людей XX века, воспитанных в иной системе ценностей, чем русские люди XIV — XVIII веков, такое быстрое, торопливое возведение храма может показаться не чем иным, как малообъяснимой спешкой. Но может быть, это была вовсе не спешка? Да, система ценностей была иной, и если религиозную веру и сейчас кому-то принять трудно, то историческую веру мы попросту обязаны иметь. Веру в то, что люди, жившие до нас и жившие в конечном итоге для нас, жили не бессмысленной, никчемной жизнью. И если мы задумаемся об этом, попытаемся понять их жизнь непредвзято, а уважительно, с доверчивой и чистой душой, тогда в том, в чем нам видится спешка, откроется глубокий возвышенный смысл.

В нашей системе ценностей есть понятие о том, что инфекционные болезни вызываются вредоносными микроорганизмами — бактериями. Наши же предки представляли эти болезни в виде живых существ, которых народное мировоззрение объединяло в одну категорию — нечистой силы.

“В большей части земель, заселенных славяно-литовскими племенами, моровая язва олицетворяется женщиной огромного роста. Был жаркий день, русин сидел под деревом. Приблизилась к нему высокая женщина, закутанная в белое покрывало. — Слыхал ли ты про Моровую язву? — спросила она. — Это — я сама”¹⁴.

Другой род болезни народ мыслил в виде двенадцати сеестер, имена им: лихорадка, трясуха, гнетуха, бледнуха и т. д., которые набрасываются на неосторожных людей. Кто же может победить нечистую силу, чем можно отогнать ее?

Очевидно, что победить ее в состоянии какое-то существо, обладающее, в противовес ей, чистою силою или — что доступнее — ее сможет отпугнуть предмет, наделенный чистою силою, чистотой.

Чистота — понятие очень древнее. Когда-то оно совпадало с понятием новизны. Что новое, то и чистое. Но лишь только новый предмет появился на свет, нечистая сила, злые духи стремились войти в соприкосновение с ним, осквернить его. Даже огонь — сама чистота — и тот в старину возобновлялся: в домах гасились все старые огни и добывался новый огонь, который предпочтительно употреблялся в различного рода обрядах именно как более чистый. Так же и вода, употребляемая в народных обрядах, бралась непременно свежая, только что из источника — потому что, по народным убеждениям, нечистая сила вредит тому, что она хорошо и подробно знает, и бессильна против того, что ее ведению почему-либо неизвестно.

Теперь посмотрим на обыденный предмет: кроме храма им могло быть полотенце, а позднее — икона. Во-первых, он нов. За все время своего производства он не сходил с рук людей, люди постоянно были при нем, нечистая сила не имела к нему доступа, т. е. он не просто чист, он чист безупречно.

Изначальная, безупречная чистота — одно из слагаемых идеи “обыденности”. Второе слагаемое — необычность обыденного предмета и, следовательно, его таинственность. Ведь еще вчера или даже сегодня утром он был сырьем, материалом (льном, лесом, красками), и вот это уж НЕЧТО — предмет, имеющий форму. Предмет, которого не было, который появился как бы вдруг, за сказочно короткий срок. Предмет, абсолютно неизвестный нечистой силе.

В результате сращения этих двух элементов — безупречной чистоты и таинственности — в давние, еще языческие времена выработалась идея “священной обыденности”, т. е. все однодневное являлось вместе с тем и священным. На языческое происхождение этой идеи указывает следующий пример.

А.Е. Богданов в своей книге “Пережитки древнего мирозерцания белорусов” сообщает следующее: “...Средством против мора считается “однодневное полотенце”. В назначенный день, до восхода солнца собираются девушки со всего села в одну избу, и каждая приносит с собой по горсти льна. Они дружно, в глубоком молчании принимаются за работу: прядут лен, снуют основу, ставят кросна, ткнут полотно. Когда полотно готово, все жители деревни выходят за деревню и обходят вокруг нее. Когда сделают полный обход, то на том месте, с которого вышли, раскладывают небольшой огонь из щепок и лучинок, принесенных с каждого двора. Две девушки держат за концы полотенца над огнем, а все жители деревни переходят через огонь под полотном и переносят детей и больных... Все это должно быть проделано в течение одного дня, с восхода до захода солнца”¹⁵.

Для этого описания показательно полное отсутствие христианской символики. Идея “обыденности” зафиксирована в нем на своем первоначальном, раннем этапе.

Затем эта идея, как любая живая идея, развивалась, эволюционировала и была преемственно усвоена христианством, когда посредством благодати Святого Духа чистота вещественная, земная сопряглась с чистотой духовной, небесной.

В словаре В.И. Даля мы обнаруживаем такой факт:

“Девятой пятнице строят обыденную пелену. (Обычай Вологодской губ., Никольского уезда: девки сходятся, тебелят лен, прядут и ткнут в сутки пелену по обету)”

Девятая пятница имеется в виду от Пасхи. Здесь у Даля читаем: “Девятую пятницу от Воскресения Христова чествуй”¹⁶.

Следующим крупным этапом развития идеи обыденности явилось строительство обыденных храмов, а вскоре и написание икон. Первое свидетельство об обыденной иконе относится к XV веку.

“В 1445 году в честь (? — Р.Б.)¹⁷ избавления жителей от “морowego поветрия” монах-изограф Серапион написал икону “Спас Нерукотворный”¹⁸.

Русь подхватила древнюю традицию, переосмыслила и развила ее.

Теперь становится ясно — я возвращаюсь к началу главы — что действительно никакой спешки не было. Ограниченное время постройки церкви было обусловлено идеей, заложенной в ней. Жители города, принимая участие в возведении храма, тем самым как бы проходили обряд очищения, а храм становился талисманом, оберегом, обладающим магической силой воздействия на нечисть, становился символом безупречной чистоты¹⁹.

Прежде чем перейти к описанию конкретного случая постройки обыденного храма (до сих пор об этом говорилось вообще, как о понятии), подведем итог этой, можно сказать, теоретической части нашего исследования.

ОБЫДЕННАЯ ЦЕРКОВЬ, как исторический феномен, является обычаем, присущим русскому народу. Наиболее достоверный, временной период бытования обычая XIV — XVIII вв.; район распространения — центр и северо-запад России.

ОБЫДЕННОЙ ЦЕРКОВЬЮ называется обетная церковь, отвечающая следующим условиям:

она должна быть возведена во время мора (какой-либо эпидемической болезни, охватившей значительное число населения);

она должна быть возведена в течение одного дня;

она должна быть возведена при обязательном участии всех горожан (жителей населенного пункта), независимо от возраста и общественного положения;

она должна быть закончена и освящена до захода солнца. Возведение **ОБЫДЕННОЙ ЦЕРКВИ**, в упрощенном истолковании, есть массовый очистительный обряд от поразившей людей скверны, а с точки зрения православной веры — всеобщая молитва.

Так наши предки молитвой создавали храмы.

Пятая глава

Всеградский собор Всемилошного Спаса в г. Вологде

Христос в темнице. Скульптура. XVIII век.

годск в этом отношении гораздо замечательнее ее. Но чем меньше воспоминаний, украшающих наше прошедшее, тем драгоценнее они должны быть для нас”²⁰.

Это произошло в 1655-м году. Моровая язва, уже два года опустошавшая южные и центральные области Русского государства, проникла и в Вологду. В надежде не допустить страшную гостью принимались меры предосторожности: дороги и заставы бдительно охранялись, никого не выпускали из города и не впускали в него. В городе пока все обстояло благополучно, хотя из подгородных деревень уже давно поступали тревожные известия.

Однако, как ни береглись, язва оказалась хитрей: украдкой прошмыгнула в Вологду, и в первых числах сентября стало ясно — нагрянула беда. Открылись первые случаи чумы, а невольне болезнь стала повальной. Уже минуло шесть недель, и, кажется, должна бы уняться, изнемогать, насытиться язва, а она свирепствует еще сильнее, беспощадней.

К Лазаревскому кладбищу тянутся бесконечные вереницы телег с гробами.

Кроме отдельных могил, роются братские, в которых погребают разом по 20 — 30 человек. Нет ни одного дома, ни одной семьи, где бы не оплакивали утрату близкого: деда, отца, сына, дочери, брата, сестры, внука. Немало изб стоит с заколоченными окнами: там семьи вымерли целиком.

День и ночь гудит над городом большой соборный колокол. Ему отзываются колокола приходских храмов, тех, в которых еще остался жив кто-либо из священнослужителей. Никогда доселе язва не посещала город и от этого кажется еще ужасней.

В довершение напасти в городе неимоверно расплодись крысы. Мерзкие твари безбоязненно бегают по улицам даже днем. В небе над городом кружатся черные тучи воронья. Ночью из окрестных лесов доносится тягучий волчий вой. В заброшенных избах остались непогребенные покойники, и по всему городу растекается, незримым туманом стоит тяжелый обморочный трупный смрад.

Один за другим стихают, гаснут голоса приходских церквей. Лишь соборный колокол не сдается. Густой медный звон волнами катится над городом, уходит в поля. О чем говорит, к чему зовет?

Не слышат люди. Совсем они упали духом, смирились с бедой. Да и как не смириться? Чем противостоять язве? Саблей? Пищалью? Язва — противник невидимый. Как с нею ратоборствовать?

Ужас и уныние царят вокруг. Прекратились все тяжбы и ссоры, замерла торговля — продается самое необходимое и в малых количествах — некому покупать; порвались дружеские связи — друг и желал бы утешить друга, да страшится язвы.

Мертвые покоились на кладбище, однако и живые походили на заживо погребенных: город как будто вымер. Прогромыкает по пустынной улице повозка, пройдут за

“Вологда, — писал краевед П.И. Савваитов, — никогда не была театром происшествий, которые покрыли бы ее ярким блеском в летописях отечественной истории. Уездные города Устюг и Сольвыче-

Спасовсеградский собор

Вологда

ней следом священник с печальными родственниками усопших, и опять на улице никого. Только выметнется из-за угла серой тенью крысиная стая, скользнет через улицу в распахнутую настежь дверь осиротевшей избы, и снова все мертво.

Но гудит, гудит соборный колокол.

У кого возникла мысль о построении обыденного храма — неведомо. Быть может, ее подал бывалый человек, который много повидал на своем веку и знал, что в других городах строились такие храмы; может, эту мысль посеял в умы своей паствы уважаемый горожанами архиепископ Маркелл, а может, она народилась сама, только «Господь знает все движения мысли» (1 Пар. 28, 9). Доподлинно известно одно: во многих городах Руси оставила в тот год моровая язва свой губительный след, во многих городах стучали в тот год топоры: выросли обыденные храмы в Суздале, Шуе, Ростове...

В ночь на 18-е октября (31-е по григорианскому календарю) улицы Вологды, казалось бы уже отвыкшие от шума жизни, наполнились народом. Разгоняя зловещую ночную тьму, пылали светочи — трубчатые полосы бересты, надетые на батоги. По улицам в суровом молчании — слышался лишь шорох и треск горящей бересты да топот множества ног — шествовали люди. Они направлялись к Большой (иначе Сенной) площади. Шли старики — они несли иконы (впрочем, стариков было мало: чума особо беспощадна к старым людям), рядом торопливо сменяли дети — они помогали взрослым нести инструменты и прочие мелкие вещи, потребные к постройке; шли отроки и юноши, шагали мужи и жены.

Накануне этой ночи, ввечеру, горожане, охваченные единым порывом, дали обет поставить единогодневный храм во имя Всемилоственного Спаса.

Когда все собрались на площади, так что и ближайшие улицы и переулки были заполнены народом — значит, не вымер город, нет, не столько вымерло людей, сколь-

ко попряталось, — тогда вспыхнули еще десятки загодя припасенных светочей. Они осветили ровное пространство посреди площади — место, назначенное для храма. Архиепископ Маркелл окропил это место святой водой, прочел начинательную молитву, и работа началась.

Колокол на соборной колокольне стих.

Желание какого-то решительного действия, какого-то общего дела, которое бы встряхнуло и сплотило всех, давно подспудно зрел в душах людей. Тяжело жить, когда беда общая, а ты один, откололся от всех, задавит она тебя, одиночку. И вот это желание воедино бороться с бедой передалось всем, нашло достойное применение, и люди воспрянули духом, как бы пробудились от сумрачного, пагубного сна. Люди вновь захотели жить, и любовь изгнала страх (Ин. 4, 18).

В лесу валились деревья, на лошадях их везли в город, на площади их корили, обтесывали — работа находилась всем, венец подымался за венцом. Созидался храм духовного единения.

Великое дело — созидательный труд. Ведь трудятся не только руки, но трудом занята и душа, ее не терзают праздные помыслы, не тяготят тревожные предчувствия, в труде она хотя бы на время может забыться от мирских горестей и забот. Но несравненно возвышенной освященный молитвою труд, когда человек трудится не ради личной корысти, собственного прибытка, а для других людей. Воспламененная верой, в сердце возгорается любовь к ближнему, и душа, окрыленная надеждой, со смелой уверенностью ожидает грядущий день.

...Вскоре занялся робкий рассвет, наступило хмурое, пасмурное утро. Только около полудня сквозь пелену облаков пробилось солнце, и первые лучи его осветили на земле уже почти готовый храм, оставалось водрузить главку и увенчать ее крестом.

Наконец совершено и это. Архиепископ Маркелл в праздничном облачении приступил к чину освящения храма.

“В лето 7163-го (1655 г. — *Р.Б.*)... был на Вологде мор велик, — говорит летописец, — и поставлен бысть единыйдневный храм во имя Всемилоственного Спаса... И от того дня мор на Вологде преста”²¹.

Так была построена обыденная церковь в Вологде, одна из немногих на Руси. Невелики были ее размеры. Когда в 1854 году в церкви (уже каменной) переделывали полы, то нашли нижний венец первоначального храма. Это был прямоугольник три сажени на две с половиной сажени (6 м х 5 м). Сохранилась фотография с росписи, украшавшей каменную церковь, на которой изображена постройка обыденного храма и сам храм — высокий сруб, типа колодезных, только с дверью, тремя окнами и крышей.

Из части одного бревна этого венца был изготовлен воздвизальный крест, хранившийся затем в специальном киоте.

На другой день после постройки вологжане составили общественный приговор — своеобразное послание потомкам, — в котором рассказывалось о данном горожанами обете о постройке церкви и давался завет: помнить и не забывать этот день. Приговор подписали 220 человек. Приведу несколько фамилий: Давыд Кондратьев, по прозвищу Третьяк Желунцов²², Евсей Носков, Первой Катромец, Третьяк Яковлев, Дружина Михайлов, Акила Карпов, Савин Сверчков, Замятня Евдокимов, Иван Вага, Потап Лютово, Ждан Михайлов, Томило Пушкин, Семен Стоумов...²³.

А через четыре дня для нового храма изографом Сумароковым была также обыденно написана икона Спаса Смоленского — продолжительное время городская святыня. Перед этой иконой была вожжена неугасимая лампада, теплившаяся в церкви Всемилоственного Спаса выше 260-ти лет.

Тщанием горожан эта икона была богато украшена. В XIX веке по рисунку академика Ф.Г. Солнцева для нее была изготовлена золотая риза (веса в ней два фунта — сообщает краевед Н.И. Суворов), кроме того, икону унизывали 500 крупных жемчужных зерен и 400 бриллиантов и алмазов.

День построения храма 18 (31) октября был городским праздником. Накануне совершалось всенощное бдение, а на другой день от всех городских храмов к Спасу обыденному шли крестные ходы и на площади служился торжественный молебен.

В конце XVII века деревянную церковь сменила каменная. “Строение ее продолжалось около десяти лет, и во все это время деревянная обыденная церковь не была разобрана, но находилась внутри новостроящегося храма”²⁴. В 1840 — 1841 годах был произведен капитальный ремонт храма, который с незначительными перестройками просуществовал до 20-х годов нашего столетия. 29 ноября 1895 году храм был указом Синода возведен в степень собора.

Спас обыденный, размерами весьма уступая кафедральному Софийскому собору, по силе народной благочестивой любви стоял наравне с ним. В нем молились во время своих посещений Вологды императоры Александр I и Александр II, великие князья Владимир Александрович и Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна (прославлена в лике святых), обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и многие другие именитые и простые богомолцы.

Получив Высочайший указ о назначении в Вологодскую губернию и прибыв в город, новый губернатор в стародавние годы с почтовой станции, а позднее с железнодоро-

рожного вокзала первым делом следовал в обыденный храм, прикладывался к чудотворному образу и по совершении молебна ехал в присутственные места вступать в управление губернией.

Путешествуя к себе на родину в с. Суру, святой угодник Иоанн Кронштадтский в каждое свое посещение Вологды совершал в соборе Божественную литургию.

После 1917 года для собора, как и для всей Православной Церкви, наступило время скорбей. Новые власти, провозгласившие свободу, бесчестили и оскверняли то, чему народ искони молился и перед чем благоговел. Весной 1922 года из собора изымались ценности. Под таким лукавым названием происходило повсеместное ограбление православных храмов и монастырей. Куда подевались веками накопленные сокровища, неизвестно. Во всяком случае, народу, от имени которого вершилось беззаконие, не перепало ничего.

В 1923 году собор “по просьбам трудящихся” был упразднен, в него поселили “Дом искусств”, а в 1935 году его переоборудовали под кинотеатр и он принял первых зрителей. Кинотеатр в соборе находился почти сорок лет.

Кого первого посетила богохульная мысль об уничтожении собора, на ком лежит несмысленный грех — вряд ли мы узнаем. Прежний председатель горисполкома В. Парменов давно мертв, и на доме, где он жил, даже повешена мемориальная доска, а городской архитектор Н. Луценко, по пошлomu складу ума мечтавший сделать из Вологды второй Париж, обретается в иных краях.

Однако решили, обговорили, согласовали и приступили к выполнению. Доброе дело не нуждается в особой подготовке и тем паче в оправданиях, а дело позорное, подлое нужно заранее оправдать, преподнести как благое, общепольное. Необходимо подготовить к нему общественное мнение, хотя всерьез никто и никогда у нас с мнением этим не считался — ни в советские времена, ни в нынешние.

Кинотеатр закрыли 24 октября 1971 года, за неделю до 310-й годовщины знаменательного события (демонстрировался фильм “Мое последнее танго”). Когда из него вывезли аппаратуру, мебель и прочее, кинотеатр умышленно оставили беспризорным. Двери и окна в нем вскоре оказались выломаны, и в пустующее, сиротливо зияющее глазницами окон здание заходили и забегали все, кому не лень (праздные прохожие, бродяги, собаки) и делали там, что хотели. Немудрено, что через год собор являл собой зрелище безобразное. И это в центре города! На центральной площади, чуть ли не по соседству с обкомом! Да его давно пора снести! Его и снесли, а чтоб место не пропадало даром, соорудили тут огромную клумбу. Варварство совершилось в сентябре 1972 года, не в годовщину безбожной пятилетки или хрущевских гонений, а в благополучную эпоху расцвета советской культуры. Попутно, за один скрип, как говорится, погубили детский парк с русскими каруселями и сказочными домиками, до революции именовавшийся Пушкинским.

Священные стены собора долбили ломом и отбойными молотками, грызли бульдозерами, крушили взрывчаткой, раздирали, растаскивали по площади, как куски живого тела, танками. Но о том, что сносят именно собор, знали только старожилы. Из нашей памяти так усердно выскребли все святое, что мои ровесники, да и я сам, думали, что с площади убирают обычное старое захламленное здание.

И вот не стало собора. Это же бред: уничтожить святыню, чтоб разводить потом маргаритки и анютины глазки. Скатилась бесценная жемчужинка с ладони, канула

в щель меж половиц, провалилась в черный подвал беспамятства — попробуй сыщи теперь. Неблагодарные потомки предали поруганию и старинный обет, и завешание предков чтить великий день, когда Господь явил чудо пред людьми Своими.

Как, почему у нас сложилось такое отношение к отечественной культуре? Почему в родном доме ведем мы себя как дикие кочевники, которым ничего чужого не жаль? Но оглянитесь вокруг: ведь все, что окружает нас, одухотворяет и живит, — это все родное, кровное, свое. Год сноса Спаса Обыденного, казалось бы, — дела давно минувших дней, но и до сего дня в моей родимой Вологде ломают деревянные дома. На дрова сводят нашу память, нашу историю. Доведут дом до мерзкого состояния, а потом сломают, а то и подожгут. От русской Вологды остались жалкие крохи. Да и вся наша культура стремительно превращается в культуру сувенирную, резервационную, а полноправной хозяйкой в российском доме (не без поддержки властей) становится массовая культура — поистине чума XX столетия.

Когда, когда люди очнутся, опомнятся, одумаются? Когда вспомнят, что они — русские, что свое родное не разрушать, а беречь, лелеять надо? И поймут это не вследствие приказов и инструкций, а душой.

СВЕДЕНИЯ

о построении обыденных храмов на Руси

Псков: церкви Покрова Богородицы (1352), св. Афанасия (1407), Преображения Господня (1438), Похвалы Богородице (5. 6. 1442), св. Саввы (5. 6. 1442), Варлаамия Хутынского (1466), Нерукотворного Образа Иисуса Христа (25. 8. 1487), св. Варлаама (1522), Покрова Богородицы (1522), часовня св. Анастасии (1710).

Новгород: церкви святителей Афанасия и Кирилла Александрийских (1390), св. Анастасии (1417), Спаса Всемилостивого (1424), Симеона Богоприимца (1467 — существует), Похвалы Богородице (1527), евангелиста Марка (1533), Андрея Стратилата в Кремле.

Великий Устюг: церковь Воскресения Христова (1474).

Тверь: в 1417-м году был мор “зело страшен... в Твери... во многих местах в один день... ставили и святили... обыденные церкви”.

Сольвычегодск: церковь Спасообыденная (16. 8. 1571, существует).

Ярославль: церкви Введения во храм Богородицы (1314, при основании Толгского монастыря), Спасопробоинская (1612).

Шуя: собор Воскресенский (1654, существует).

Ростов: церковь Всемилостивого Спаса на Торгу (1654).

Суздаль: часовня Николая Угодника (1654).

Вологда: собор Спаса Обыденного (1655).

Кострома: собор Всехсвятский (1757).

Москва: “Великий князь (Василий III) по обещанию построил церковь Иоанна Предтечи на старом Ваганькове, сам первый начал работать... церковь выстроили в один день и в этот же день освятили”²⁵ (1531); церковь Илии Обыденного (год постройки неизвестен, XVII в.).

Село Екатерининское Слободского района Вятской области: Екатерининская обыденная церковь (конец XVI — начало XVII в.).

Каргополь: церковь Крестовоздвиженская (дата постройки неизвестна).

Торжок: церковь Кирилла и Афанасия.

Вот что сделала одна-единственная строчка из словаря. Вот во что разрослась она.

Кажется, сколько добрых слов о словаре далевском сказано, а всей похвалы все ж никак не избыть. Кладезю сказочному, чудом возникшему, словарь этот подобен, и как кладезь чудный вовек не исчерпать, так и словарь этот не постичь — сколько раз его ни откроешь.

Эта статья была написана в 1985 году, когда о многом приходилось поневоле умалчивать, а иные имена нельзя было назвать без оскорбительных эпитетов. Сейчас я доработал, дополнил ее, а в октябре 1997 года по благословению епископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана на месте разрушенного храма воздвигнут поклонный крест. И если даст Бог, доживем мы до того дня, когда будет воссоздан и сам Спас Обыденный, и снова над Вологдой поплывет звон его колоколов.

- 1 Зеленин Д.К. Обыденные полотенца и обыденные храмы. Живая старина, 1911, XX. С. 16.
- 2 ПСРЛ, Патриаршая летопись. М., Наука, 1965. Т. 11. С. 232.
- 3 ПСРЛ, Устюжская летопись. Л., Наука, 1982. Т. 37. С. 40.
- 4 Там же. С. 48.
- 5 Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 18.
- 6 Богословские труды. М., 1973, № 10. С. 87.
- 7 ПСРЛ, Тверская летопись. СПб., 1863. Т. 15.
- 8 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 77. С. 39.
- 9 ПСРЛ, Архангелогородский летописец. Л., Наука, 1982. Т. 37. С. 37.
- 10 Письмо В. Хохлова, ст. научного сотрудника Ростовского музея-заповедника (архив автора).
- 11 ПСРЛ, Пискаревский летописец. М., Наука, 1978. Т. 34. С. 101.
- 12 Большая медицинская энциклопедия. М., 1936. Т. 34. С. 639.
- 13 Борисенков Е., Пасецкий В. Рокот забытых бурь. Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 115.
- 14 Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., Современник, 1989. С. 339.
- 15 Даль В.И. Толковый словарь. М., 1955. Т. 2. С. 554.
- 16 Там же.
- 17 Я не случайно поставил знак вопроса. Такие формулировки: в честь, в знак избавления от мора часты в историко-краеведческой литературе XIX — XX веков. В XIX веке обычай строительства обыденных храмов уже прекратился, по всей Руси стояли только памятники ему, и авторы книг, не зная сущности обряда, позволяли себе “поправлять” летописцев. Строительство обыденного храма после мора — бессмыслица. Обыденный храм, икона — не благодарность за избавление от мора, а средство борьбы с ним. Благодарность была в том, что эти церкви (иконы) хранили.
- 18 Шильниковская В.П. Великий Устюг. М., Стройиздат, 1973. С. 57.
- 19 До этого места глава была сокращенным изложением вышеуказанной статьи Д.К. Зеленина.
- 20 “О церкви Спаса обыденного в Вологде”. Вологодские губернские ведомости. 1841, № 18, 3 мая.
- 21 ПСРЛ, Вологодская летопись. Л., Наука, 1982. Т. 37. С. 195, 199.
- 22 Нынешняя улица Калинина (Зосимовская) прежде называлась Желунцовской.
- 23 Суворов Н.И. Описание Спасообыденной Всеградской, что в Вологде, церкви. Вологда, 1860. С. 35.
- 24 Там же. С. 10.
- 25 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., Мысль, 1989. Кн. 3. С. 334.